

05.09.97

17

Известия - 1997. - 5 сент. - с. 6.

Александр ЛАЗАРЕВ:

В мелочах жизни принимаешь огонь на себя

На московской сцене сейчас два Александра Лазарева. Старший (в Театре имени Маяковского) и младший (в «Ленкоме»). Отец и сын.
Старший весной попал в Институт Склифосовского. Спустя две недели ему сделали операцию на сердце. А 23 августа в Театре имени Маяковского открылся сезон. На сборе труппы его встретили аплодисментами, а вечером, тоже под аплодисменты, он сыграл в «Жертве века». Шестого сентября Александр Сергеевич Лазарев играет в «Кине IV».

— У артистов стрессов достаточно. Но когда попадаешь в больницу и узнаешь, что люди ждут своей очереди по году и больше, чтобы избавиться от страданий, начинаешь понимать, какое количество скрытых больных ходит по земле и что ты сам тоже потенциально болен.
— Кто делал вам операцию?
— Ринат Сулейманович Акчурин и Яков Беньяминович Брандт. Акчурин знает все, он Ельцина оперировал, а Брандт — здоровенный мужчина с мощным басом, огромными руками, необъятной грудной клеткой, на которой не сходится ни один халат. Операцию не помню, но выход был тяжелый. Полная апатия.
— И когда захотелось снова играть?
— Долго не хотелось, хоть я из тех, кто играет много.
— Ходит легенда: вы стали актером как бы поневоле, пошли на просмотр подыгрывать, а вас взяли в труппу. Игра случайности и закономерности?
— Это не так, я мечтал стать актером уже в старших классах школы. Поступил в Школу-студию МХАТ: тогда комиссии из театров приезжали в другие города и «смотрели» будущих актеров.

— Вы считаете, это было хорошо?
— Во всяком случае, курс у нас подобрался отменный: Юра Гребенщиков, Алик Филозов, Слава Невинный, Анатолий Ромашин, Евгений Лазарев, Тая Андриканис, ныне Лаврова...
— А как же вы все-таки попали к Охлопкову в Театр Маяковского?
— Случай. У Охлопкова я подыгрывал в отрывке из пьесы Горького «Последние» в роли старца Якова Коломийцева. Разумеется, с бородой. Охлопков говорит: «Снимите бороду, я не вижу вашей сути». И спрашивает: «Знаете что-нибудь из «Бориса Годунова»? — «Не знаю». — «Ну тогда из Маяковского?» Прочитал Маяковского. Потом просит сыграть этюд в присутствии тогдашних корифеев театра — Льва Свердлина, Евгения Самойлова, Веры Орловой. «Ты партизан, ты — немцы. Мы тебя замучили, ты говоришь: «На, стреляй!» Я подумал: я же не поступаю в этот театр, будь что будет. Собрал все физические силы, рванул рубашку, крикнул: «На, стреляй!» Охлопков остановил: «Достаточно, мы вас берем». Я решил не испытывать судьбу, спустился в кабинет к директору Долгопольскому и спросил, не надо ли что-либо подписать.

Он посмотрел на меня удивленно: «Если артиста из вас не получится... У нас мало рослых парней, в «Гамлете» некому пики выносить». Я сказал ему большое человеческое спасибо и начал свою творческую жизнь в этом театре, где и живу до сих пор. Сыграл много ролей — больших и маленьких, хороших и плохих...
— И плохих? Но вы-то могли позволить себе не играть плохих?
— Не мог. Я же на службе. Сам Гончаров, чтобы поставить, например, «Беседы с Сократом», «Человека из Ламанчи» или «Трамвай «Желание», должен был поставить пять плохих советских пьес. Я играл роли комедийные, трагедийные, лирические, драматические...
— А как быть с актерским амбула?
— Я не терплю ярлыков. Жанр комедии, например, я очень люблю, и многие мои удачи, на взгляд понимающих людей, были как раз в жанре комедии, хоть по внешнему виду я больше тяну на «социального героя». И то, что ярлык на меня не был повешен, мое счастье.
— От «Иркутской истории» до «Кина IV»...
— В основном я играл людей симпатичных. Впрочем, в кино пришлось сыграть жуткого подлеца из раннего рассказа Шолохова. Там я бью жену ногами, до сих пор стыдно. Друзья потешались: а-а, вот она, твоя настоящая суть... Но актеру надо играть, чтобы верили, известно, что дети бросали камни вслед Бабе Яге... Тем более что в теории есть положительное обаяние и отрицательное... Поэтому назначение на роль

— половина успеха. Часто режиссура, считая, что она лучше знает актера, чем он сам себя, ошибается при назначении на роль, отсюда и срывы.
— Гончаров ошибался?
— Думаю, нет. Но я мог играть то, чего он мне не давал, — это точно. Иногда мне об этом говорили. Слава Богу, я сыграл много такого, что с лихвой перекрывает несыгранное. Был ведь еще и кинематограф.
— Шушуканья на вас не действовали?
— Собственно, их и не было, просто люди высказывали свои взгляды. Кажется, я прожил в театре жизнь порядочную, интриг избегал, да у нас в Маяковском это не принято.
— Вы играли в первом отечественном телесериале...
— Да, у Колосова: «Вызываю огонь на себя». И, надо сказать, с удовольствием играл. По-моему, неплохая картина была и «Мелочи жизни». Ее смотрели, как мне говорили, с немалым интересом, чем латиноамериканские сериалы — по сюжету, ситуациям, характерам она была ближе нашему зрителю, понятнее.
— Когда вы смотрите себя на экране, возникает сожаление, что к этому вы уже никогда не вернетесь?
— Думаю, что к кинематографу я вообще больше не вернусь. Нет никакого комплекса, просто так складывается жизнь. Из моих ровесников уже мало кто снимается. И мой стол не завален сценариями. Зато пьес новых много, драматурги хотят, чтобы именно я играл.
— Александр Сергеевич, все

знают: есть такая артистическая семья — Немоляева и Лазарев. Теперь и сын знаменит. У вас, кстати, есть еще дети?
— Нет, Саша единственный. И внучка пошла в первый класс. По некоторым признакам, думаю, тоже артисткой станет.
— Итак, артистическая семья. И все — актеры первого плана. Но жизнь предлагает иногда разделение труда. Грубо говоря, как вам удалось не подавить в Светлане Владимировне актрису?
— Это свыше. Счастливо получилось, что нам не пришлось друг другу завидовать. Знаю: кто-то из супругов вырвался вперед, это приводило даже к разрыву брака. А мы со Светланой шли рядышком, радовались, страдали, если не получалось.
— Как вы относитесь к славе сына?
— Нас уже мало интересуют собственные проблемы, мы больше живем его жизнью. Забраться на такую вершину нелегко, но как удержаться на ней и пойти дальше — это мы испытывали на себе. Я говорю ему: смотри, Шура, каждый год ты не будешь получать такие роли...
— Как вы прожили тридцать лет с Гончаровым? Спрашиваю не потому, что у него юбилей, а потому, что все-таки тридцать лет...
— Говорят, он деспотичен, своенравен, своеволен, но лучше так, чем если был бы у нас какой-нибудь мямля, интеллигент без интеллигентности... Сколько театров развалилось, актеры разбежались, а у Гончарова и намек на это нет.
— Ваш взгляд на сегодняшнюю жизнь?

— В чем-то она стала лучше. Нет проблем с продуктами (кроме цен). Москва стала красивой, чистой. Нет страха перед приходом НКВД. Но появился иной страх: закрыть квартиру или не закрыть, закрыть машину или не закрыть, войти в подъезд — оглядываешься... Неуютно. Много стало агрессии, вы не можете расслабиться, не можете, как в свое время Кассиус Клей, он же Мохаммед Али, побегать ночью по городу и заявить потом: Москва — самый спокойный город на планете.
— И при всем том у Москвы — праздник, который она заслужила. Юбилей Москвы — что он для вас?
— Напомню: я ленинградец. Сегодня в Москве много ленинградцев, их приток не ослабевал многие десятилетия. И если уж говорить, как нас учили, о двух культурах в одной культуре (не знаю, насколько это научно), то были все же культура петербургская и московская. Сейчас различие стирается (в лучшую сторону), две великие русские культуры сливаются, и это очень хорошо. Надеюсь, утвердится у нас общая высочайшая культура, и то, что отличало обе столицы, равно украсит единую Россию.
Георгий МЕЛИКЯНЦ,
«Известия».

Александр Лазарев